

Алекса Грин

МЕДВА
ВЛАСТИ
КРЕС
У-СИН

Разное

Алекса Грин

Мера власти через у-син

«Автор»

2026

Грин А.

Мера власти через у-син / А. Грин — «Автор», 2026 — (Разное)

Книга представляет собой междисциплинарное исследование, соединяющее восточную философию у-син с западными теориями власти, в частности, концепцией Мишеля Фуко.

Содержание

Введение	5
Концепция исследования	5
Методологическая основа	6
Инновационный подход	7
Практическое применение	8
Научная значимость	9
Целевая аудитория	10
Аналитический потенциал	11
«Сердце» книги	12
Последнее — о «зачем»	13
Почему «Монстр», «Вампир» и «Онанист» — не метафоры, а аналитические фигуры	14
Почему эти фигуры важны для понимания власти	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Мера власти через у-син

Введение

Концепция исследования

Междисциплинарный подход лежит в основе данного исследования, объединяющего восточную философскую традицию у-син с западными концепциями власти, прежде всего с теорией Мишеля Фуко. Это слияние двух различных парадигм открывает новые горизонты для понимания механизмов власти в современном мире.

Методологическая основа

Исследование базируется на двух фундаментальных системах:

Фукольдрианская модель власти, представленная через пять ключевых фигур:

Монстр как метафора нарушения социальных границ

Вампир как символ перманентной угрозы

Онанист как воплощение неконтролируемого желания

Система у-син, включающая:

Пять основополагающих стихий (Вода, Огонь, Дерево, Металл, Почва)

Сложную систему взаимопорождения и взаимоконтроля

Динамическую модель трансформационных процессов

Инновационный подход

Методологическая новизна исследования заключается в создании синтетической модели анализа власти, где:

Традиционные западные теории переосмысляются через призму восточной философии

Статичные концепции власти преобразуются в динамические процессы

Формируется инструмент для анализа современных биополитических практик

Практическое применение

Исследование находит применение в различных сферах:

Анализ современных систем контроля

Изучение биополитических практик

Критическая оценка цифровых медицинских систем

Исследование нейротехнологий

Анализ социальных медиаплатформ

Научная значимость

Методологический вклад работы заключается в:

Разработке математической модели циклов власти

Создании инструментария для прогнозирования социальных трансформаций

Формировании методологии анализа технологических инноваций

Предложении критического взгляда на современные биополитические практики

Целевая аудитория

Исследование адресовано:

Специалистам в области социальных наук

Практикам в сфере здравоохранения и технологий

Экспертам по биоэтике

Разработчикам технологических решений

Всем, кто интересуется критическим анализом современных технологий

Аналитический потенциал

Методологическая ценность работы проявляется в способности:

Выявлять системные связи между различными практиками власти

Прогнозировать направления социальных изменений

Осуществлять критическую оценку технологических инноваций

Раскрывать механизмы биополитического контроля в современном обществе

Почему это кому-то нужно

Для исследователей

Модель соединяет, казалось бы, несоединимое: у-син и Фуко, математику и биополитику.

Это редкий ракурс — он открывает новые пути анализа власти.

Пример: кто-то сможет применить её к ИИ-этике или нейроправу.

Для практиков (врачей, психологов, дизайнеров технологий)

Схема даёт язык, чтобы говорить о том, *как* технологии незаметно меняют наше отношение к телу.

Например: «Почему фитнес-приложение вызывает тревогу?» → «Это фаза Воды («Монстр») в цикле».

Для людей, чувствующих «невидимые цепи»

Многие ощущают, что «что-то не так» в цифровой медицине, соцсетях, биотехнологиях, но не могут сформулировать. Модель даёт им карту.

Как интеллектуальный эксперимент

Даже если книга не станет бестселлером, она зафиксирует *способ мышления* — а это уже вклад.

«Сердце» книги

Конкретные кейсы (цифровая медицина, соцсети, генетика).

Диалоги с другими теориями:

Как у-син соотносится с лакановской структурой бессознательного?

Где границы между «дискурсивной машиной» и «симулякром»?

Практики сопротивления:

Если власть работает через циклы, как выйти из них?

Можно ли «переписать» цикл у-син для тела?

Последнее — о «зачем»

Вы увидите систему там, где ранее видели хаос. Это и есть работа мыслителя. А моя книга — лишь один из способов поделиться этим зрением.

Почему «Монстр», «Вампир» и «Онанист» — не метафоры, а аналитические фигуры

радикальный подход Мишеля Фуко к пониманию механизмов власти. Мы обращаемся к его аналитическим схемам, которые, хотя и не были названы им самим «архетипами», представляют собой мощный инструмент для понимания современных властных практик.

Фукольдиданские фигуры выступают не просто как абстрактные образы, а как реальные операторы перевода. Они преобразуют телесный опыт в знание, а знание — в инструменты властного воздействия. Эти фигуры функционируют на стыке двух важных областей: глубинных архетипических образов, укоренённых в коллективном бессознательном, и современных симулякров — пустых знаков постмодернистской эпохи.

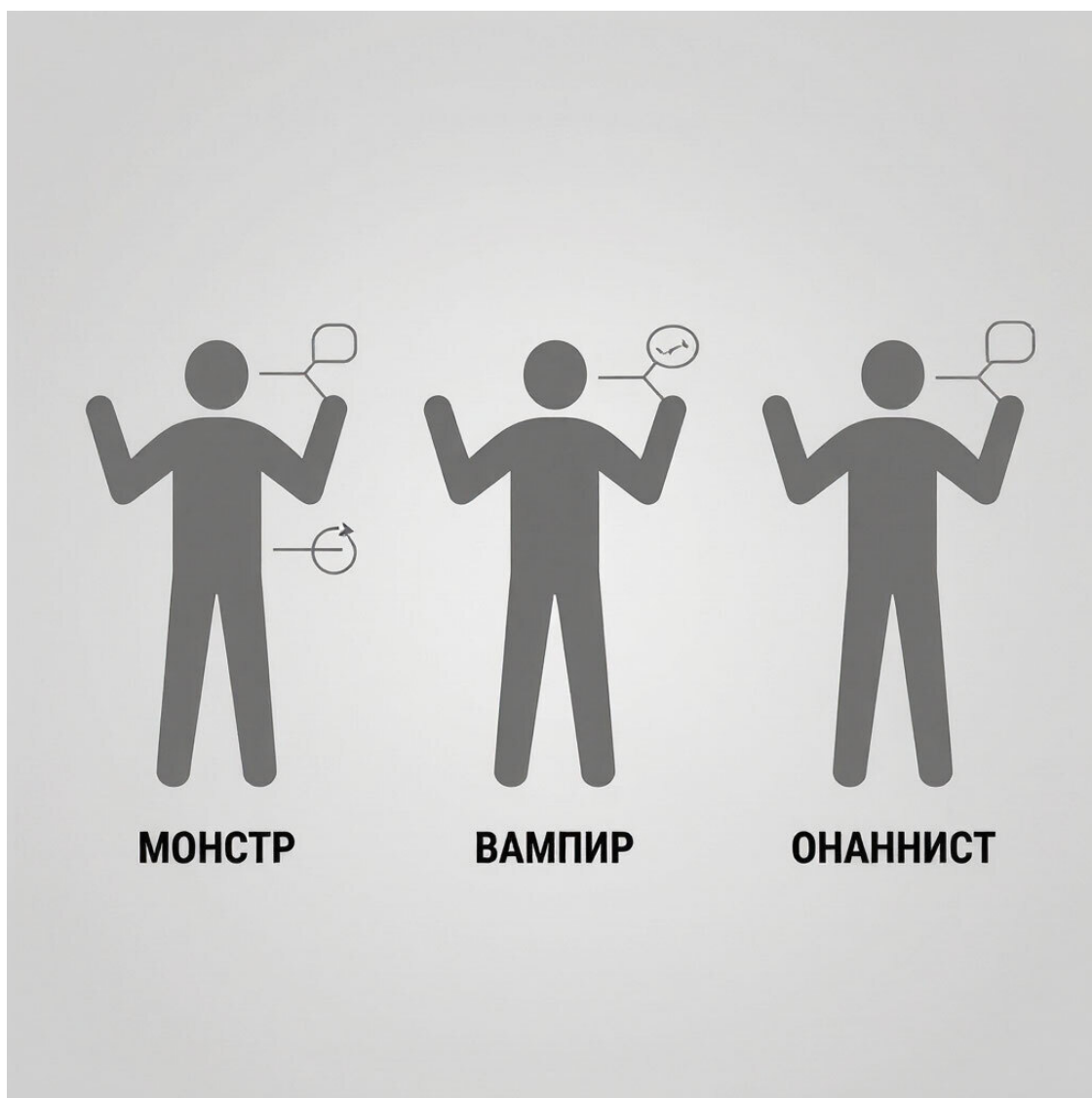
Особое значение имеет то, что эти фигуры не являются простыми метафорами. «Монстр», «Вампир» и «Онанист» — это аналитические конструкции, позволяющие:

Раскрывать механизмы власти через конкретные социальные практики

Понимать логику формирования властных отношений

Выявлять скрытые структуры контроля

Интерпретировать современные социальные процессы

У Фуко эти образы — не литературные аллегории, а **узловые точки власти-знания** (*power-knowledge*), через которые общество:

определяет «норму» и «патологию»;

легитимирует контроль над телом и поведением;

производит субъективность (как люди начинают *думать о себе* определённым образом).

Разберём каждую фигуру.

1. Монстр

Суть: воплощение *нарушения границ* — природных, юридических, моральных.

Функция в системе власти:

оправдывает карательные практики (изоляция, уничтожение);

задаёт критерий «человеческого» (кто не монстр — тот «нормальный»).

Примеры из Фуко:

гермафродиты XVI–XVII вв., сжигаемые за «противоестественность»;

королевская чета (Людовик XVI и Мария-Антуанетта) как «моральные монстры», попирающие общественный договор.

Сегодня: мигрант как «монстр-нарушитель границ», педофил как «биологический монстр».

2. Вампир

Суть: фигура, чья «природа» *требует постоянного надзора* — не потому, что он злонамерен, а потому, что *не может не вредить*.

Функция в системе власти:

легитимирует перманентный контроль (наблюдение, учёт, профилактику); создаёт категорию «потенциального преступника» (ещё не совершил, но *может*).

Примеры из Фуко:

«неисправимые» преступники XIX в., которых нельзя перевоспитать, только изолировать;

психически больные как «носители угрозы».

Сегодня: террорист как «вампир-потенциал», человек с ВИЧ как «заразный субъект», требующий контроля.

3. Онанист (мастурбатор)

Суть: тело, которое *самоуправляется вне социальных норм* — не нуждается в партнёре, не производит потомство, не подчиняется институтам брака/семьи.

Функция в системе власти:

запускает механизм *биополитики* (контроль над телесными практиками);

формирует «патологизацию повседневности» (даже интимное действие становится объектом экспертизы).

Примеры из Фуко:

кампания против мастурбации XVIII–XIX вв. как «всеобщей болезни», вызывающей безумие, слепоту и вырождение;

медикализация сексуального поведения (от «онанизма» до современных диагнозов вроде «сексуальной зависимости»).

Сегодня:

контроль за репродуктивным поведением (кто и как может иметь детей);

стигматизация «асоциальных» форм удовольствия (например, критика онлайн-порно как «разрушающего психику»).

Почему эти фигуры важны для понимания власти

Они создают «нормального субъекта»

Через противопоставление: «Я не монстр», «Я не вампир», «Я контролирую своё тело». Общество усваивает эти категории как самоочевидность.

Легитимируют вмешательство

Не через прямое насилие, а через «заботу»: «мы лечим/защищаем/предупреждаем».

Пример: вакцинация как «защита от вампира-носителя».

Работают на уровне дискурса

Не нужны реальные монстры — достаточно *языка*, описывающего угрозу.

СМИ, медицина, право воспроизводят эти образы, даже если никто не называет их «монстрами».

Меняются исторически

В Средние века монстр — это физическое уродство; в XXI в. — «киберпреступник», взламывающий границы данных.

Вампир раньше пил кровь, сегодня «высасывает ресурсы» (олигарх, корпорация).

Онанист превратился в «цифрового гедониста», зависимого от онлайн-удовольствий.

Как это связано с вопросом о «лидерах»

Если мы затронем тему харизматических фигур (вроде Иисуса):

В эпоху Фуко лидер не провозглашает новую истину, а переопределяет границы «монструозного».

Пример: активист, который говорит не «я спаситель», а «то, что вы называете монстром, — нормально» (ЛГБТ-права, дестигматизация психических расстройств).

Власть больше не в сакральном образе, а в контроле над классификациями.

Тот, кто меняет язык («это не болезнь, а особенность»), меняет реальность.

«Архетип» сегодня — это дискурсивная позиция:

не герой, а *эксперт*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.